

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание учёной степени кандидата теологии
Васильевой Дарьи Вячеславовны
на тему: «Псалтирь в переводе архиеп. Амвросия (Зертис-Каменского).
Филология и богословие текста»
по специальности 5.11.1. Теоретическая теология
(по исследовательскому направлению: православие)

Диссертация Д. В. Васильевой вызывает большой интерес для славянской библеистики, поскольку на новом уровне вводит в научный оборот по сути экспериментальный, но так и оставшийся в основном в рукописной традиции, несмотря на имевшиеся ранние издания, опыт перевода древнееврейского текста Псалтири на церковнославянский язык XVIII века — в эпоху создания последней церковнославянской версии полной Библии, Елисаветинской, в создании коей принимал участие архим. Варлаам (Лящевский), по всей видимости сподвижник архиеп. Амвросия в деле рассматриваемого перевода Псалтири. Этим определяется безусловная **актуальность** диссертации Д. В. Васильевой. Ввиду отсутствия комплексного филологического и богословского исследования Псалтири архиеп. Амвросия **новизна** рецензируемого диссертационного исследования также очевидна.

В главе 1-й «Исторические обстоятельства возникновения Псалтири архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского)», в целом реферативной, прослеживается жизненный путь этого замечательного церковного деятеля, а также его соратника архим. Варлаама (Лящевского) и даётся обзор использования Масоретского текста в восточнославянской традиции — как церковнославянской, так и рутенской. Из собственных изысканий автора диссертации здесь обращает на себя внимание сравнение печатного издания Псалтири архиеп. Амвросия 1878 г., подготовленного П. И. Горским-Платоновым, с её списком конца XVIII в. Q.I.469 Российской национальной библиотеки.

Главы 2-я и 3-я представляют собой филологический и богословский анализ различий между Псалтирью архиеп. Амвросия и другими переводами этой библейской книги, а также их оригиналами — древнееврейским и древнегреческим: во 2-й главы рассмотрены лексические различия (имена и эпитеты Бога и выражения «сыны Божии», «сыны человеческие», «сыны смерти», лексемы со значением «истина», «верный» и др.), а в 3-й — синтаксические, в том числе касающиеся состава текста. При этом большую часть объёма диссертации (324 страницы из 612) составляют приложения с полным списком различий между изданием Псалтири архиеп. Амвросия и введённой Д. В. Васильевой в научный оборот рукописи Q.I.469, а также с Масоретским текстом, Септуагинтой, Елисаветинской Библией и Псалтирью Авраамия Фирсова XVII в., которая могла быть использована при подготовке исследуемого перевода.

Все указанные тексты сопоставлялись сплошь и пословно, так что масштаб проделанной Д. В. Васильевой работы не может не впечатлять, однако к этой работе возникает ряд вопросов и замечаний из смежных областей знания — от археографии до собственно текстологии церковнославянской Псалтири и истории переводов Библии на европейские языки.

1. В первую очередь вызывает недоумение отсутствие в диссертации Д. В. Васильевой какого бы то ни было теоретического обоснования её исследования: ни проблема оригиналов библейского текста, ни проблема их переводов, ни проблема библейской экзегезы не подвергаются теоретическому осмыслению, хотя научный руководитель диссертантки, проф. А. А. Алексеев, — автор фундаментальной для славянской библеистики монографии «Текстология славянской Библии» (1999), — и с опорой хотя бы на её теоретические главы (например, «Перевод как филологическая проблема») можно было бы обосновать собственную методологию изучения текста Псалтири архиеп. Амвросия. В итоге диссертация представляет собой

по сути лишь комментарий к нему, выстроенный по словарному принципу: даётся список лексем и связанных с ними разночтений, — и в этой списочности не просматривается системного подхода. Конечно, исходная задача филолога — это комментирование текста, но для кандидатской диссертации она выглядит слишком прикладной.

2. Разочаровывает полное отсутствие археографического описания использованных источников, как печатных, так и рукописных. Если издание 1878 г. П. И. Горского-Платонова, профессора Московской духовной академии, было уже научным, пусть и без должного аппарата, то первые издания, 1809 и 1811 гг., предпринятые в чисто коммерческих целях неким Решетниковым, свидетельствуют об интересе к Псалтири архиеп. Амвросия в некой среде (какой именно?), — и хотя бы постановка вопроса о бытовании текста помогла бы взглянуть и на возможный адресат самого факта этого экспериментального перевода. Известны Д. В. Васильевой и другие списки, в том числе XVIII века (РГБ: Ф. 201, № 11; Ф. 310, № 8; остальные списки РГБ относятся к XIX в., но также не могу быть проигнорированы), однако их данные почему-то никак не привлечены в диссертации, хотя все они доступны в цифровых фотокопиях на сайте «Собрание рукописей и старопечатных книг» на сайте Троице-Сергиевой лавры (<https://lib-fond.ru/>) и не требуют изучения de visu: насколько они далеки от списка РНБ Q.I.469? почему именно последний оказался принципиально важен для сопоставления с изданием П. И. Горского-Платонова? Наконец, сам список РНБ Q.I.469 никак не описан в диссертации: он называется «рукописно-печатной книгой» (с. 11 диссертации), а ниже охарактеризован весьма странно: «...была найдена рукопись, в которой церковнославянский печатный текст Псалтири чередовался с переводом владыки Амвросия, написанным от руки, под номером 469, РНБ. ОСРК. Q I 469, в кожаном переплёте с золотым обрезом. На последнем листе этой книги была обнаружена дарственная надпись Екатерине II от Николая и Ивана Бантыш-Каменских, выделяет её из

множества других списков рассматриваемого нами перевода» (с. 25). Так что из себя физически представляет этот кодекс? Печатную Псалтирь с рукописными вставками? Как они были организованы? И почему дарственная надпись братьев Бантышей-Каменских должна свидетельствовать о значимости именно этого экземпляра? (Кстати, есть она и на титульном листе рукописи РГБ Ф. 201, № 11, так что представление об уникальности Q.I.469 в этом отношении преувеличено.)

3. В диссертации Д. В. Васильевой полностью проигнорирована история текста церковнославянской Псалтири, который нашёл своё конечное выражение в редакции Елисаветинской Библии, хотя нужно иметь в виду, что эта редакция — четья, небогослужебная, тогда как основное назначение Псалтири в православной традиции — именно богослужебное. Псалтирь Елисаветинской Библии рассмотрена в диссертации как вещь в себе, в отрыве от тысячелетней истории церковнославянской Псалтири, переведённой, судя по всему, ещё Солунскими братьями. Понятно, Д. В. Васильева знает, что это перевод с греческого, но выражения типа «греческие и славянские переводчики», встречающиеся в работе повсеместно, создают ложное впечатление, будто вторые действовали независимо от первых. Правда, есть и более корректные выражения типа «в греческом, а вслед за ним и в славянском, переводах». Вводит также в заблуждение выделение различий церковнославянской Псалтири по Елисаветинской Библии, которые выглядят как появившиеся именно в ней (другие, ранние редакции, кроме столь же экспериментальной Псалтири Авраамия Фирсова, здесь не поминаются!), — тогда как они были уже в древнейшем из сохранившихся текстов. Так, перевод греческого ὀρυίζεσθε (Пс 4:5) как *гнѣваите (са)* содержится во всех ранних версиях церковнославянской Псалтири: и в глаголической Синайской, и в среднеболгарской Норовской, и в других, включая восточнославянские.

4. В связи с этим вызывает вопросы и сопоставление с Псалтирью 1683 г. Авраамия Фирсова. Никаких убедительных доказательств в пользу того, что

при подготовке Псалтири архиеп. Амвросия был использован перевод Авраамия, Д. В. Васильевой не приводится. Чтение *расплотся* в Пс 58:8 ставится в зависимость от той же формы в Псалтири Авраамия Фирсова, однако у последнего это восточнославянская адаптация чтения польской протестантской Брестской Библии 1563 г., ср.: «*Niechajże się rozplyną jako wody siekaсе*» — у Авраамия: «Да *расплотся* якв вода мимо текуща», у архиеп. Амвросия: «Да *расплотся* яко вода». Та же зависимость обнаруживается и в Пс 4:2: в Брестской Библии «*ty mnie sprawił przestrzeństwo w miejscu ciasnym*», — у Авраамия: «сотвори мнѣ во *оутисненіи* пространствw», у архиеп. Амвросия: «в *тесноте* пространство сотворил ми еси». Примеры параллелей с Брестской Библией можно множить: оставим это самой Д. В. Васильевой для дальнейшего исследования, — однако обратим внимание на то, что перед нами параллели с протестантской редакцией польской Библии, которая переводилась с Масоретского текста, то есть выбор именно её тут явно не случаен (тогда как католические версии польской Библии — Библия Леополиты 1561 г. и Библия Якуба Вуйка 1599 г. — переводились с Вульгаты).

5. Удручает использование не вполне подходящих научных изданий Библии и словарей. Так, для греческой Псалтири было более полное гёттингенское издание А. Ральфа, тогда как подготовленное тем же А. Ральфом штутгартское издание Септуагинты в одном томе, использованное Д. В. Васильевой, содержит сильно сокращённый критический аппарат. «Древнегреческо-русский словарь» И. Х. Дворецкого не слишком подходит для изучения Септуагинты, поскольку в нём вовсе не использована её лексика, тогда существует два недавних словаря именно к Септуагинте: *Muraoka T. Greek-English lexicon of the Septuagint* (2009) и *Lust J., Eynikel E., Hauspie K. Greek-English lexicon of the Septuagint* (2003), — но на последний Д. В. Васильева ссылается всего один раз, а на словарь Дворецкого — семь раз, указывая его в списке словарей во введении. И уж совсем

удивительно, что среди справочных изданий в диссертации нет никаких современных академических словарей библейского иврита — вместо него использован только словарь Буксторфа XVII века, который, конечно, был основным для архиеп. Амвросия, но игнорировать достижения современной гебраистики при обращении к Масоретскому тексту весьма странно. Из церковнославянских словарей не использован современный «Большой словарь церковнославянского языка Нового времени» под редакцией А. Г. Кравецкого и А. А. Плетнёвой, который ещё далеко не окончен, но дошёл уже до буквы «Е». В качестве дополнительных словарей, охватывающих и церковнославянскую лексику, вполне бы такжегодились «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» — вместо давно устаревшего, но до сих популярного «Полного церковнославянского словаря» прот. Григория Дьяченко 1900 года. Не использованы также греческо-церковнославянские индексы, например: *Христов И.* Гръцко-църковнославянски речник (Света гора, 2019).

Кроме того, к тексту диссертации возникло множество частных замечаний, одно из которых касается переоценки Д. В. Васильевой точности передачи в Псалтири архиеп. Амвросия древнееврейской фонетики. Вывод о том, что «[т]очное отражение МТ характеризуется также передачей еврейской фонетики в именах собственных и музыкальных терминах, отражающей произношение, максимально близкое оригиналу» (с. 279), не соответствует действительности, — по меньшей мере на том материале, который приведён на с. 202–203.

Указанные замечания, к сожалению, сильно умаляют значимости диссертационного исследования Д. В. Васильевой, однако с учётом объёма проделанной ею работы могут быть рассмотрены в процессе защиты как рекомендации для дальнейшего её улучшения уже в жанре монографии и нового научного издания такого замечательного памятника, как Псалтирь

архиеп. Амвросия (Зертис-Каменского). Автореферат и публикации соответствуют тексту диссертации. Таким образом, диссертация «Псалтирь в переводе архиеп. Амвросия (Зертис-Каменского). Филология и богословие текста» обладает несомненным практическим значением, актуальностью и новизной, а потому соответствует требованиям п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в редакции 01.10.2018, с изменениями 26.05.2020), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а её автор, Васильева Дарья Вячеславовна, заслуживает присуждения ей учёной степени кандидата теологии по специальности 5.11.1. Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие).

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент,
профессор Института классического Востока и античности
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ГРИЩЕНКО Александр Игоревич

Контактные данные:

тел.: +7 (916) 172-12-69, e-mail: agrishchenko@hse.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Адрес места работы:

105066, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3

Тел.: +7 (495) 772-95-90; e-mail: agrishchenko@hse.ru